

Модели либерализации торговой политики: сравнительный анализ международного опыта

А.Г. Корнилов¹

¹ Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия)

Аннотация

Цель исследования – сравнительный анализ моделей либерализации торговой политики на основе восьми страновых кейсов, охватывающих принципиально различные институциональные, политические и экономические условия. Исследование направлено на выявление ключевых детерминант успеха или провала торговых реформ, включая влияние исходного уровня протекционизма, наличия институциональных якорей и типа политического режима. Методология исследования основана на методе сравнительного анализа конкретных ситуаций. В качестве эмпирической базы выступают восемь страновых кейсов, сгруппированных по типам траекторий: полная либерализация (Чили, Швейцария), реформы в переходных экономиках (Россия, Польша), открытость без демократизации (Сингапур, Вьетнам) и откат от реформ (Аргентина, Индонезия). Анализ включает исторический обзор реформ, оценку макроэкономических последствий и институционального контекста с опорой на широкий спектр отечественной и зарубежной научной литературы. Результаты исследования позволили сформулировать четыре ключевых вывода. Во-первых, подтверждена асимметрия переходных издержек: радикальное снижение барьеров при высоких начальных тарифах порождает масштабные шоки, в то время как либерализация при низких тарифах минимизирует издержки. Во-вторых, доказано, что наличие внешнего институционального якоря существенно повышает устойчивость и легитимность реформ. В-третьих, установлено, что тип политического режима не является детерминантом торговой открытости; авторитарные системы способны эффективно интегрироваться в глобальную экономику. В-четвертых, откат к протекционизму является реакцией на макроэкономические кризисы и в долгосрочной перспективе сдерживает обновление производственной базы. Оригинальность и значимость результатов заключаются в комплексном синтезе разрозненного эмпирического материала в единую аналитическую рамку. Работа опровергает ряд устоявшихся стереотипов, в частности о прямой связи между демократизацией и экономическим процветанием. Предложенная типология моделей либерализации и выводы о роли институциональных факторов предоставляют практический инструментарий для диагностики оптимальной стратегии реформ и оценки рисков отката от торговой открытости для государственных органов и экспертного сообщества.

Ключевые слова: торговые реформы, протекционизм, переходная экономика, институциональный якорь, тарифная политика, нетарифные барьеры

Для цитирования:

Корнилов А.Г. (2026). Модели либерализации торговой политики: сравнительный анализ международного опыта. *Стратегические решения и риск-менеджмент*, 2026, 17(2).

Models of Trade Policy Liberalization: A Comparative Analysis of International Experience

A.G. Kornilov¹

¹ Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Abstract

This study provides a comparative analysis of trade policy liberalization models based on eight country case studies covering fundamentally different institutional, political, and economic conditions. The study aims to identify the key determinants of the success or failure of trade reforms, including the effects of the initial level of protectionism, the presence of institutional anchors, and the type of political regime. The methodology is based on comparative case study analysis. The empirical basis comprises eight country cases grouped by reform trajectory: full liberalization (Chile, Switzerland), reforms in transition economies (Russia, Poland), openness without democratization (Singapore, Vietnam), and reform reversal (Argentina, Indonesia). The analysis includes a historical review of reforms, an assessment of their macroeconomic consequences and institutional context, and draws on a broad range of Russian and international academic literature. The study yields four key conclusions. First, it confirms the asymmetry of transition costs: a radical reduction of barriers when initial tariffs are high generates large-scale shocks, whereas liberalization under already low tariffs minimizes costs. Second, the presence of an external institutional anchor significantly enhances the sustainability and legitimacy of reforms. Third, the type of political regime is not a determinant of trade openness; authoritarian systems can integrate effectively into the global economy. Fourth, a return to protectionism is a response to macroeconomic crises and, in the long term, constrains the renewal of the productive base. The originality and significance of the findings lie in synthesizing dispersed empirical evidence into a unified analytical framework. The study challenges a number of established assumptions, in particular the presumed direct link between democratization and economic prosperity. The proposed typology of liberalization models and the findings on the role of institutional factors provide public authorities and the expert community with a practical tool for diagnosing optimal reform strategies and assessing the risks of retreat from trade openness.

Keywords: trade reforms, protectionism, transition economy, institutional anchor, tariff policy, non-tariff barriers

For citation:

Kornilov A.G. (2026). Models of Trade Policy Liberalization: A Comparative Analysis of International Experience. *Strategic Decisions and Risk Management*, 2026, 17(2)

贸易政策自由化模式：国际经验的比较分析

A.G. Kornilov¹¹ 全俄对外贸易学院 (俄罗斯, 莫斯科)

摘要

本研究基于八个国家案例，对贸易政策自由化模式进行比较分析。这些案例涵盖了制度、政治和经济条件存在根本差异的国家情境。研究旨在识别贸易改革成败的关键决定因素，包括初始贸易保护水平、制度锚的存在以及政治体制类型的影响。研究方法采用比较案例分析法。经验基础由八个国家案例构成，并按照改革轨迹类型进行分组：全面自由化（智利、瑞士）、转型经济体中的改革（俄罗斯、波兰）、未伴随政治民主化的贸易开放（新加坡、越南）以及改革逆转（阿根廷、印度尼西亚）。分析内容包括改革的历史回顾、宏观经济后果评估和制度背景分析，并参考了大量俄罗斯国内外学术文献。研究结果提出四项核心结论。第一，转型成本的不对称性得到确认：在初始关税较高的条件下大幅降低壁垒会产生大规模冲击，而在关税已经较低的条件下推进自由化则可将成本降至最低。第二，外部制度锚的存在显著提升改革的可持续性。第三，政治体制类型并非贸易开放的决定因素；威权体制同样能够有效融入全球经济体系。第四，向保护主义的回撤是对宏观经济危机的反应，但从长期来看会抑制生产基础更新。本研究的原创性与意义在于将分散的经验材料整合为统一的分析框架。研究挑战了若干既有观点，尤其是关于民主化与经济繁荣之间存在直接联系的假设。本文提出的自由化模式类型学以及关于制度因素作用的结论，为政府部门和专家共同体诊断最优改革战略、评估贸易开放回撤风险提供了实用分析工具。

关键词：贸易改革，保护主义，转型经济体，制度锚，关税政策，非关税壁垒

引用格式：

Kornilov A.G. (2026). 贸易政策自由化模式：国际经验的比较分析. 战略决策与风险管理, 2026, 17(2)

Введение

Либерализация торговой политики является одним из основных инструментов экономической трансформации. Под этим термином принято понимать комплекс мер, направленных на снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле, устранение административных ограничений на экспортно-импортные операции и обеспечение интеграции национальной экономики в глобальную торговую систему.

Вместе с тем либерализация торговой политики может проводиться в различных институциональных, политических и экономических условиях, принимать разнообразные формы – от радикальной шоковой терапии до постепенных, поэтапных реформ. В ряде случаев наблюдается откат политики либерализации и введение новых форм протекционизма.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу моделей либерализации на основе восьми страновых кейсов: Чили и Швейцария – примеры полной или близкой к полной тарифной либерализации; Россия и Польша – либерализация в условиях переходной экономики; Сингапур и Вьетнам – торговая открытость без политической либерализации; Аргентина и Индонезия – отказ от ранее проведенных реформ.

Основной исследовательский вопрос заключается в предположении того, что эффективность и устойчивость либерализации торговой политики не определяются исключительно идеологическим выбором между скоростью (шоковая терапия) и постепенностью (градуализм), а являются производной от сложного взаимодействия институционального контекста, исходных экономических условий и наличия механизмов управления переходными издержками.

Статья построена следующим образом. Первый раздел посвящен анализу моделей полной или близкой к полной тарифной либерализации. На примере Чили рассматривается опыт радикальной шоковой терапии с высокими стартовыми тарифами, а на примере Швейцарии – реформа при уже низких барьерах. Сопоставление этих кейсов позволяет сформулировать тезис об асимметрии переходных издержек. Второй раздел исследует специфику либерализации

в условиях переходной экономики. Через сопоставление российского и польского опыта автор доказывает критическую важность наличия внешнего институционального якоря (перспективы членства в ЕС) для обеспечения устойчивости и легитимности болезненных реформ. Третий раздел посвящен анализу торговой открытости без политической либерализации. На примерах Сингапура и Вьетнама демонстрируется, что авторитарные политические режимы способны эффективно интегрироваться в глобальную экономику, если обладают функциональным качеством государственного управления. Четвертый раздел рассматривает феномен отката от реформ (de-liberalization). Анализируя опыт Аргентины и Индонезии, автор показывает, что возврат к протекционизму часто является вынужденной антикризисной мерой, которая в долгосрочной перспективе сдерживает обновление производственной базы. Заключение подводит итоги сравнительного анализа, обобщает результаты в виде четырех ключевых выводов и подтверждает центральную гипотезу о том, что эффективность торговой реформы определяется не столько идеологией, сколько институциональным контекстом и способностью управлять переходными издержками.

1. Обзор литературы

Либерализация торговой политики – процесс снижения или устранения барьеров на пути международной торговли (тарифных и нетарифных) – является одной из центральных тем в экономической науке на протяжении последних столетий. Однако если классическая теория фокусировалась преимущественно на статических выгодах от специализации, то современная литература рассматривает либерализацию как сложный, динамичный и часто политически обусловленный процесс. Переход от теоретических абстракций к анализу реальных реформ потребовал разработки многомерных моделей, учитывающих институциональный, политический и временной контексты.

Классические и неоклассические основания

Согласно классической парадигме любая страна, снимая ограничения на торговлю, получает доступ к более дешевым товарам и может сконцентрировать ресурсы на производстве тех благ, в которых она наиболее эффективна. Неоклассическая теория (модель Хекшера – Олина – Самуэльсона) дополнила этот анализ, связав структуру торговли с наделенностью стран факторами производства (трудом, капиталом, землей) [Ohlin, 1933; Samuelson, 1948].

В рамках этих моделей либерализация рассматривается как однозначное благо, ведущее к Парето-оптимальному распределению ресурсов в мировом масштабе. Однако уже на этом этапе были обозначены проблемы распределения выигрышей: внутри страны одни группы (потребители, экспортные отрасли) выигрывают, а другие (неконкурентоспособные производители) – проигрывают. Работы П. Кругмана и Дж. Стиглица подчеркнули, что эти перераспределительные эффекты создают мощное политическое сопротивление реформам, что не укладывалось в рамки идеализированных моделей [Krugman, 1995; Stiglitz, 1999].

Теория второго лучшего и динамические эффекты

Важным этапом в развитии теории стала критика принципа *laissez-faire* в контексте частичных реформ. Теория второго лучшего, сформулированная Р. Липси и К. Ланкастером в 1956 году, постулировала, что если в экономике уже существуют искажения (например, монополии или налоги), то устранение одного из них (введение свободной торговли) необязательно ведет к росту благосостояния. Это открытие легло в основу аргументации сторонников градуализма [Lipsey, Lancaster, 1956].

Параллельно развивалось направление, изучающее динамические эффекты открытости. В отличие от статических выгод от обмена динамические эффекты связаны с долгосрочным ростом производительности. Работы Р. Лукаса и П. Ромера заложили основы новой теории роста, где торговля выступает каналом распространения технологий и знаний (*spillover effects*) [Lucas, 1988; Romer, 1990]. Исследования Дж. Гроссмана, Э. Хелпмана и Р. Барро эмпирически подтвердили связь между открытостью экономики и темпами экономического роста [Grossman, Helpman, 1991; Barro, 1996]. В этом контексте либерализация рассматривается не просто как разовый акт снижения тарифов, а как стратегический инструмент для стимулирования инноваций и структурной трансформации.

Модели последовательности и скорости реформ: шоковая терапия vs градуализм

Падение социалистического блока в конце 1980-х – начале 1990-х годов поставило перед экономистами задачу выбора оптимальной стратегии перехода к рынку. Дискуссия между сторонниками шоковой терапии (Д. Саксом, А. Аслундом) и градуализма (Дж. Стиглицем, Г. Колодко) стала центральной в литературе о переходных экономиках.

Шоковая терапия предполагает быстрое одновременное проведение всех ключевых реформ: либерализацию цен, внешней торговли, приватизацию и макроэкономическую стабилизацию. Теоретической базой здесь служит идея

о том, что чем быстрее будут созданы рыночные институты, тем быстрее экономика начнет расти. Практическим воплощением этой модели стали реформы в Польше («План Бальцеровича») и России (Гайдаровские реформы). Литература по этому вопросу подчеркивает неизбежность краткосрочных шоков (спада производства, роста безработицы) как платы за быстрый переход.

Градуализм предлагает поэтапный подход, при котором реформы вводятся постепенно, что позволяет экономике адаптироваться к новым условиям. Сторонники этого подхода указывают на опыт Китая и Вьетнама («политика реформ и открытости»), где постепенная либерализация внешней торговли сопровождалась сохранением сильного государственного контроля над ключевыми секторами. Работы Дж. Стиглица критикуют шоковую терапию за игнорирование институциональных предпосылок рынка [Stiglitz, 1999].

Сравнительный анализ этих подходов (например, [Rodrik, 1989]) показывает, что успех реформ зависит не столько от скорости их проведения, сколько от качества исходных институтов и наличия компенсаторных механизмов для проигравших групп.

Институциональный подход: роль якорей реформ

Одной из наиболее влиятельных концепций последних десятилетий стала теория динамической непоследовательности в торговой политике Д. Родрика [Rodrik, 1989]. Она объясняет, почему правительства часто не могут придерживаться заявленных планов либерализации: перед выборами или в условиях кризиса политическое давление со стороны защищенных отраслей заставляет их отступать от реформ.

Решение этой проблемы лежит в плоскости создания институциональных якорей. Внешний якорь – это обязательство перед международной организацией или торговым блоком (например, членство в ВТО или соглашение об ассоциации с ЕС), которое делает отступление от реформ дорогостоящим. Классическим примером является опыт Польши и других стран Центральной Европы, где перспектива вступления в ЕС служила мощным стимулом для проведения болезненных торговых реформ.

Внутренний якорь – это создание внутри страны независимых институтов (например, тарифных комиссий или антимонопольных органов), которые принимают решения на основе объективных критериев, а не политической конъюнктуры.

Политическая экономия либерализации

Современная литература активно использует инструментарий теории общественного выбора для анализа протекционизма. Модель Гроссмана – Хелпмана [Grossman, Helpman, 1994] стала стандартом для объяснения формирования торговой политики как результата лоббирования со стороны различных групп интересов. Согласно этой модели уровень защиты отрасли определяется ее политической организованностью и способностью предлагать «взятки» (в форме голосов или финансирования кампаний) политикам.

Работа К. Милнера [Milner, 1988] развивает эту тему, исследуя условия, при которых правительства могут преодолеть давление лоббистов и пойти на либерализацию.

Ключевыми факторами здесь выступают наличие сильного лидера с четким мандатом на реформы или экзистенциальный экономический кризис, который делает статус-кво неприемлемым.

Асимметрия переходных издержек

Важный вклад в понимание процесса либерализации внесла эмпирическая литература о так называемой асимметрии переходных издержек. Исследования по Чили и более поздние работы по России [Edwards, Cox Edwards, 1987; Gaddy, Ickes, 1998] показывают, что глубина экономического спада после либерализации напрямую зависит от исходного уровня протекционизма.

Радикальное снижение тарифов с запретительных уровней (как это было в Чили в 1970-х или России в 1992-м) приводит к масштабному разрушению неконкурентоспособных производств и резкому росту безработицы в краткосрочном периоде. В то же время либерализация при уже низких тарифах (например, недавняя реформа в Швейцарии) практически не создает шоков для экономики, принося долгосрочные выгоды за счет снижения административных издержек и повышения эффективности распределения ресурсов.

Либерализация без демократизации

Традиционный взгляд связывал экономическую открытость с политической либерализацией. Однако опыт «азиатских тигров» опроверг эту жесткую зависимость. Концепция «встроенной автономии» П. Эванса [Evans, 1995] прекрасно описывает сингапурскую модель: авторитарное государство с высокой компетентностью бюрократии использует открытость экономики как инструмент для привлечения инвестиций и структурной модернизации, одновременно обеспечивая высокий уровень социального обеспечения для легитимации своей власти.

Аналогичный путь прошел Вьетнам («политика Дой Мой»), где однопартийная система успешно интегрировала страну в глобальные цепочки создания стоимости через поэтапное снижение барьеров без политической демократизации. Эти кейсы демонстрируют, что тип политического режима не является детерминантом торговой открытости; ключевым фактором выступает функциональное качество государственного управления.

Проблема отката от реформ (De-liberalization)

Литература о либерализации была бы неполной без анализа обратных процессов – возврата к протекционизму. Классическая теория предполагала вектор движения только в одну сторону – к свободе торговли. Однако практика показала цикличность этого процесса.

Исследования по Аргентине показывают, что торговые ограничения часто становятся инструментом антикризисной политики в условиях макроэкономической нестабильности (например, после дефолта 2001 года), когда у правительства нет доступа к традиционным инструментам фискальной или монетарной политики.

Опыт Индонезии иллюстрирует феномен «ресурсного национализма». Стремясь максимизировать добавленную стоимость внутри страны, правительство вводит требования

по локализации производства для иностранных инвесторов (в автопроме и телекоммуникациях). В работе [Amiti, Konings, 2007] показана противоречивость таких мер: они могут стимулировать создание рабочих мест в низкопроизводительном секторе, но одновременно сдерживают обновление производственной базы из-за ограничения доступа к иностранным промежуточным товарам и технологиям.

Таким образом, проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод о том, что современная теория либерализации торговой политики прошла путь от простых моделей сравнительных преимуществ к сложным многофакторным конструкциям. В настоящее время появилось понимание, что не существует универсальной модели либерализации. Эффективность реформ определяется сложным взаимодействием исходных экономических условий (уровень тарифов), качества институтов (наличие якорей), политического режима и способности государства управлять переходными издержками.

2. Методология и выборка исследования

Проведенный обзор литературы позволяет сделать следующие гипотезы исследования.

H1: Исходный уровень протекционизма является главным фактором, определяющим глубину переходного шока, – снижение тарифов с запретительных уровней неизбежно ведет к разрушению части промышленного потенциала, в то время как либерализация при низких тарифах минимизирует издержки.

H2: Наличие внешнего институционального якоря является критическим условием для преодоления политической непоследовательности и обеспечения долгосрочной приверженности реформам.

H3: Тип политического режима не является детерминантом торговой открытости; нелиберальные режимы способны проводить успешную либерализацию при условии функционального качества государственного управления.

H4: Откат от реформ (протекционизм) выступает не как идеологический разворот, а как вынужденная антикризисная мера в условиях макроэкономической нестабильности, которая в долгосрочной перспективе сдерживает обновление производственной базы.

Для реализации поставленных гипотез основным методом исследования был выбран сравнительный анализ (Comparative Case Study Analysis) для сопоставления моделей либерализации восьми страновых кейсов, которые представляют собой различные модели и траектории торговой либерализации. Выбранные кейсы сгруппированы по типам для выявления общих закономерностей и различий в зависимости от контекста реформ.

На втором этапе для каждой группы стран проводился глубокий исторический и экономический анализ процессов либерализации/протекционизма методом кейс-стади. Анализ включал рассмотрение макроэкономических показателей (ВВП, безработицы), динамики тарифов, институциональных изменений и политических условий.

Кроме того, проводилась оценка роли институтов на основе ретроспективного анализа событий.

3. Полная либерализация торговой политики: Чили и Швейцария

Чилийский опыт: шоковая терапия и ее последствия

Государственный переворот в Чили произошел 11 сентября 1973 года. К тому моменту средневзвешенный уровень тарифов достигал 105%, а на отдельные товарные группы – 700%. Торговая система включала прямые экспортные ограничения, механизм импортных депозитов и 15 дифференцированных валютных курсов [Edwards, Cox Edwards, 1987]. В рамках программы 1974–1979 годов была поставлена цель снизить тарифы до универсальной ставки в 10% [Corbo, Fischer, 1994]. По итогам этапа средний тариф сократился до 3,6%, а разрыв между минимальной и максимальной ставкой составил лишь 6 п.п. Параллельно был создан рынок капитала, либерализованы иностранные инвестиции, обеспечена независимость центрального банка, введена гибкость на рынках труда [Edwards, Cox Edwards, 1987].

В краткосрочной перспективе реформы обеспечили рост ВВП на уровне 7% в год и снижение безработицы с 13,5 до 11% к 1981 году. Однако к 1982 году началась рецессия. К 1986 году прекратили работу 35% предприятий от числа действовавших в 1979 году – они обеспечивали 25% занятости в промышленности, 13% инвестиций и 16% промышленного выпуска [De la Cuadra, Nachette, 1991]. Экономический рост в период Пиночета оказался ниже, чем в структурно схожих странах; заметное ускорение произошло лишь после перехода к демократии в 1989 году [Ffrench-Davis, 2002]. Кейс наглядно демонстрирует ключевую проблему шоковой либерализации: переходные издержки при снижении тарифов с запретительных уровней концентрируются в краткосрочном периоде и угрожают разрушением промышленной базы.

Швейцарская реформа 2024 года: либерализация при низких тарифах

С 1 января 2024 года в Швейцарии обнулены тарифы на все промышленные товары, классифицированные в главах 25–97 таможенного тарифа, за исключением ряда агропромышленных позиций¹. Число тарифных позиций сокращено с 6172 до 4592, что обеспечивает сокращение административных расходов на 20%². Изначальный средний тариф в стране составлял 1,8%, поэтому отмена пошлин изменила ценовые условия менее чем на 2 п.п. Совокупный выигрыш благосостояния оценен Государственным секретариатом по экономике более чем в 860 млн швейцарских франков в год: около 490 млн – за счет устранения тарифов, 350 млн – от потребительской экономики, 270 млн – за счет косвенных эффектов роста производительности³.

Сопоставление двух кейсов подтверждает тезис об асимметрии переходных издержек: чем выше исходный уровень тарифной защиты, тем болезненнее либерализация в краткосрочном периоде. Швейцарская реформа не породила значимых шоков, тогда как чилийская привела к масштабному промышленному спаду.

4. Либерализация в условиях переходной экономики: Россия и Польша

Россия: деструктивная либерализация и ее последствия

В СССР государственная монополия на внешнюю торговлю полностью изолировала внутренних производителей от мировых цен [Gaidar, 2007]. В январе 1992 года правительство Е. Гайдара упразднило монополию, предоставило предприятиям право самостоятельно осуществлять экспортно-импортные операции, отменило большинство нетарифных ограничений и установило минимальный импортный тариф [Sachs, Woo, 1994]. Реформа проводилась в рамках шоковой терапии, рекомендованной западными экономистами и поддержанной МВФ.

Одним из первых последствий этой реформы стал резкий импортный шок: в 1992–1993 годах потребительский импорт многократно вырос, тогда как отечественные производители не были готовы к конкурентному давлению [World Economic Outlook, 1993]. Одновременно сложилась ситуация, называемая «голландская болезнь»: доходы от сырьевого экспорта укрепляли рубль, снижая конкурентоспособность несырьевых отраслей. В машиностроении, электронике и станкостроении спад производства за 1992–1994 годы составил 40–60% [Aslund, 1995; Gaddy, Ickes, 1998]. К 1993 году правительство поэтапно повышало тарифы и вводило нетарифные барьеры в ключевых секторах [Tarr, 1994]. Финансовый кризис 1998 года и девальвация рубля парадоксально стали более действенным механизмом восстановления производства, чем промышленная политика [Kharas et al., 2001; Isakova, Plekhanov, 2011].

Польша: евроинтеграция как институциональный якорь

Польша располагала относительно более открытой экономикой. В стране имелся развитый частный сектор в сфере сельского хозяйства, а также опыт рыночных транзакций и контактов с западными кредиторами [Balcerowicz, 1995]. Программа министра Бальцеровича, запущенная 1 января 1990 года, включала либерализацию ценовых субсидий, введение конвертируемости злотого, отмену государственной монополии на внешнюю торговлю и замену количественных ограничений умеренными тарифами (12–13%) [Michalopoulos, Tarr, 1997]. Краткосрочные шоки были болезненными: ВВП сократился на 11,6% в 1990 году и еще на 7% – в 1991-м, безработица выросла до 11,8% [Blanchard, 1997]. Тем не менее глубина спада оказалась значительно меньшей, чем в большинстве постсоциалистических экономик [Roland, 2000].

Определяющим событием стало соглашение об ассоциации с ЕС (декабрь 1991 года, вступило в силу в 1994 году) [Ners, 1995], предусматривавшее создание зоны свободной торговли с асимметричным открытием. Стратегически соглашение выполняло функцию внешнего институционального якоря. Угроза утраты перспектив членства Польши в Европейском союзе решала проблему динамической непо-

¹ Abolition of Industrial Tariffs (2023). Swiss Customs Administration. https://www.bazg.admin.ch/bazg/en/home/topics/aufhebung_industriezoelle.html.

² Reduction of Tariff Lines (2023). SECO. https://www.seco.admin.ch/seco/en/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/warenhandel/aufhebung_industriezoelle.html.

³ Welfare Gains from Tariff Elimination (2023). SECO. <https://www.admin.ch/gov/en/start/documentation/media-releases.msg-id-99580.html>.

следовательности [Rodrik, 1989], делая отступление от реформ крайне дорогостоящим. Поддержка реформ в польском обществе коррелировала с поддержкой вступления в ЕС [Kolodko, 2000] – граждане принимали издержки либерализации как приемлемую цену за долгосрочные выгоды интеграции. 1 мая 2004 года Польша вступила в ЕС, передав торговую политику на наднациональный уровень.

5. Торговая либерализация без политической: Сингапур и Вьетнам

Сингапур: встроенная автономия и производительный авторитаризм

Торговая политика Сингапура с 1965 года строилась на трех принципах: нулевые или минимальные тарифы (в настоящее время нулевая ставка применяется примерно к 99% позиций⁴), активное заключение соглашений о свободной торговле (к 2024 году – более 27 соглашений о свободной торговле⁵), использование открытости как инструмента привлечения транснациональных корпораций. При этом государство через Совет экономического развития активно управляло отраслевой структурой, последовательно направляя инвестиции в трудоемкое производство, затем – в электронику и нефтепереработку, позже – в финансовые услуги и биомедицину⁶. Данная модель описывается в литературе как «встроенная автономия» по концепции П. Эванса [Evans, 1995].

В отличие от Чили с авторитарной моделью Пиночета сингапурское государство обеспечивало высокое качество образования, здравоохранения и жилищного обеспечения, формируя материальную базу социального контракта. ВВП на душу населения вырос с около 500 долл. в 1965 году до более чем 65 000 долл. в 2023-м⁷, что подвергает сомнению тезис об обязательной связи между политической демократизацией и экономическим процветанием.

Вьетнам: поэтапная интеграция при сохранении однопартийной системы

Политика «Дой Мой», принятая в декабре 1986 года, ознаменовала переход к «социалистической рыночной экономике» в условиях острого кризиса: гиперинфляция превышала 700%, существовал продовольственный дефицит, система субсидируемого экспорта в страны СЭВ разрушалась [Dollar, 1994; Fforde, de Vylder, 1996]. Торговая либерализация разворачивалась поэтапно. На первом этапе (1986–1995 годы) ликвидирована государственная монополия на внешнеторговые операции при сохранении высоких импортных тарифов (30–35%)⁸. На втором этапе (1995–2007 годы) страна последовательно вступила в АСЕАН, подписала двустороннее торговое соглашение с США (экспорт в США вырос с 822 млн долл. в 2001 году до 6,9 млрд в 2004-м⁹) и в 2007 году

присоединилась к ВТО. Третий этап (с 2007 года) – соглашения нового поколения: EVFTA с ЕС, CPTPP, RCEP [Menon, 2009].

Вьетнам включен во все ключевые региональные торговые блоки при сохранении однопартийной политической системы. Вместе с сингапурским этот кейс демонстрирует, что тип политического режима не является детерминирующим фактором торговой открытости: нелиберальные режимы способны эффективно участвовать в либеральной торговой архитектуре при наличии функциональных механизмов реализации экономической политики.

6. Откат либерализации: Аргентина и Индонезия

Аргентина: протекционизм как антикризисный инструмент

Либерализация 1990-х годов при президенте Менеме проводилась в рамках Плана конвертируемости, привязавшего песо к доллару США. Режим обеспечил стабилизацию, однако впоследствии усилил внешнюю уязвимость: укрепление доллара и девальвация бразильского реала в 1999 году подорвали конкурентоспособность экспорта [Galiani, Somaini, 2018]. Кризис 2001–2002 годов разрушил прежнюю модель: дефолт по долгу – 141 млрд долл., падение ВВП – на 10,9%, безработица – 21,5%, доля населения за чертой бедности – свыше 45%¹⁰. В сложившихся условиях торговые ограничения стали заменителем недоступных макроэкономических инструментов [Kiguel, Levy-Yeyati, 2009]: число позиций под неавтоматическим лицензированием выросло с четырех в 1999 году до около 600 к 2012-му (17% стоимостного объема импорта) [Nogues, 2008].

С февраля 2012 по декабрь 2015 года действовала система предварительных деклараций об импорте (DJA), функционировавшая как дискреционный механизм распределения доступа к импортным ресурсам. В январе 2015 года ВТО по спорам DS438, DS444 и DS445 признала DJA нарушающей статью XI ГАТТ 1994 года¹¹. Экономические итоги протекционизма оказались противоречивыми: 10-процентный рост охвата фирмы неавтоматическими лицензиями сокращал ее экспорт на 6% и занятость на 2% [Gutierrez, Ianchovichina, 2014]. Рост импорта капитальных товаров после отмены ограничений при Макри подтвердил, что прежний режим сдерживал обновление производственной базы [Berrettoni, Polonsky, 2016].

Индонезия: ресурсный национализм и требования локализации

После азиатского кризиса 1997–1998 годов Индонезия провела либерализацию под давлением МВФ, снизив средневзвешенный тариф до 3–4%. Однако с середины 2000-х годов страна последовательно расширяла протекционист-

⁴ Trade Policy Review: Singapore (2024). WTO. https://www.wto.org/english/tratop_e/tp_r_e/tp_rep_e.htm?country=SGP.

⁵ Free Trade Agreements (2024). MTI Singapore. <https://www.mti.gov.sg/Trade/Free-Trade-Agreements>.

⁶ Economic Development History (2023). EDB Singapore. <https://www.edb.gov.sg/en/about-edb/our-history.html>.

⁷ GDP per capita, current USD: Singapore. World Development Indicators (2024). World Bank. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=SG>.

⁸ Trade Policy Review: Vietnam (2003). Geneva, United Nations.

⁹ U.S.-Vietnam Bilateral Trade Agreement (2004). Washington, USTR.

¹⁰ Encuesta Permanente de Hogares (2002). Buenos Aires, Instituto Nacional de Estadística y Censos.

¹¹ Dispute Settlement Reports: DS438, DS444, DS445 (2015). WTO. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds438_e.htm.

ские инструменты. Постановления 2021 года закрепили систему негаса komoditas – национального баланса производства и торговли, используемого для одобрения или отклонения импортных заявок¹². Требования о локализации применяются в телекоммуникациях (минимум 30%) и производстве электромобилей (35%) [Negara, 2016]. Закон о горнодобывающей промышленности закрепил обязанность переработки сырья на территории страны; запрет на экспорт никелевой руды, восстановленный с января 2020 года, привлек прямые иностранные инвестиции в переработку¹³.

Вместе с тем результаты неоднозначны: более 70% тяжелой горнодобывающей техники импортируется из Китая [Patunru, Rahardja, 2015], а ключевые технологии переработки во многом контролируются иностранными партнерами. Ограничения на ПИИ в 2006–2016 годах обеспечили около 10% прироста занятости, однако преимущественно в малых низкопроизводительных предприятиях [Tijaja, Faisal, 2014]. Поскольку доступ к иностранным промежуточным ресурсам является важным источником производительности [Amiti, Konings, 2007], требования локализации рискуют подрывать те самые цели, ради которых вводятся.

Заключение

Сравнительный анализ рассмотренных моделей позволяет сформулировать четыре принципиальных вывода.

Во-первых, результаты исследования подтверждают гипотезу H1: результаты либерализации определяются исходным уровнем тарифной защиты. Радикальное снижение барьеров при высоких начальных тарифах, как в Чили и России, порождает масштабные переходные издержки;

либерализация при уже низких тарифах, как в Швейцарии, несет минимальный шок при сопоставимых долгосрочных выигрышах.

Во-вторых, подтверждается гипотеза H2: наличие внешнего институционального якоря существенно повышает устойчивость реформ. Польский опыт демонстрирует, что перспектива членства в ЕС выполняла функцию механизма связывания обязательств, устраняя проблему динамической непоследовательности и обеспечивая политическую легитимность преобразований.

В-третьих, подтверждается гипотеза H3: тип политического режима не является детерминирующим фактором торговой открытости. Сингапур и Вьетнам показывают, что авторитарные системы способны реализовывать эффективную политику открытости при условии функционального качества государственного управления и наличия механизмов управления социальными последствиями реформ.

В-четвертых, подтверждается гипотеза H4: откат от либерализации является, как правило, реакцией на ограниченность макроэкономических инструментов в условиях кризиса. В краткосрочном периоде протекционистские меры могут поддерживать занятость в отдельных секторах. В долгосрочной перспективе они приводят к издержкам, превышающим исходные выгоды, сдерживают обновление производственной базы и ослабляют экспортный потенциал.

Рассмотренные кейсы в совокупности подтверждают теоретический тезис о том, что условия проведения либерализации во многом определяют ее результаты. Эффективность торговой реформы обусловлена в первую очередь институциональным контекстом, скоростью введения, наличием компенсационных механизмов и способностью государства управлять переходными издержками.

References

- Amiti M., Konings J. (2007). Trade Liberalization, Intermediate Inputs, and Productivity: Evidence from Indonesia. *American Economic Review*, 97(5): 1611–1638. <https://doi.org/10.1257/aer.97.5.1611>.
- Aslund A. (1995). *How Russia Became a Market Economy*. Washington, DC, Brookings Institution Press.
- Balcerowicz L. (1995). *Socialism, Capitalism, Transformation*. Budapest, Central European University Press.
- Barro R.J. (1996). Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. *NBER Working Paper*, 5698. <https://www.nber.org/papers/w5698>.
- Berrettoni D., Polonsky M. (2016). *Argentina: Trade Liberalization under Macri. Policy Brief*. Buenos Aires, Consejo Argentino para las Relaciones Internacionales.
- Blanchard O. (1997). *The Economics of Post-Communist Transition*. Oxford, UK, Oxford University Press.
- Corbo V., Fischer S. (1994). *Lessons from the Chilean Stabilization and Recovery*. Washington, DC, Brookings Institution.
- De la Cuadra S., Hachette D. (1991). Chile. In: Papageorgiou D., Michaely M., Choksi A. (eds.). *Liberalizing Foreign Trade*. Oxford, Basil Blackwell: 155–231.
- Dollar D. (1994). Macroeconomic Management and the Transition to the Market in Vietnam. *Journal of Comparative Economics*, 18(3): 357–375. <https://doi.org/10.1006/jcec.1994.1021>.
- Edwards S., Cox Edwards A. (1987). *Monetarism and Liberalization: The Chilean Experiment*. Cambridge, MA, Ballinger Publishing.
- Evans P. (1995). *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, Princeton University Press.
- Fforde A., De Vylder S. (1996). *From Plan to Market: The Economic Transition in Vietnam*. Boulder, CO, Westview Press.
- Ffrench-Davis R. (2002). *Economic Reforms in Chile: From Dictatorship to Democracy*. Ann Arbor, University of Michigan Press.
- Gaddy C., Ickes B. (1998). Russia's Virtual Economy. *Foreign Affairs*, 77(5), 53–67. <https://doi.org/10.2307/20049050>.

¹² Постановления Индонезии № 28/2021 и № 29/2021 о системе neraca komoditas.

¹³ Indonesia Nickel Export Ban: Economic and Trade Implications (2023). Washington, World Bank.

- Gaidar Y. (2007). *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*. Washington, DC, Brookings Institution Press.
- Galiani S., Somaini P. (2018). Path-Dependent Import-Substitution Policies: The Case of Argentina. *Latin American Economic Review*, 27(1). <https://doi.org/10.1007/s40503-017-0047-8>.
- Grossman G.M., Helpman E. (1991). *Innovation and Growth in the Global Economy*. Cambridge, MA, MIT Press.
- Grossman G.M., Helpman E. (1994). Protection for Sale. *American Economic Review*, 84(4): 833-850. <https://www.jstor.org/stable/2118033>.
- Gutierrez E., Ianchovichina E. (2014). Are Argentina's Provincial Budgets Sustainable? *World Bank Policy Research Working Paper*, 6926.
- World Economic Outlook* (1993). International Monetary Fund, Research Dept., 1993/001. <https://doi.org/10.5089/9781557752864.081>.
- Isakova A., Plekhanov A. (2011). Tradable Sectors and Exchange Rate Crises. *EBRD Working Paper*, 130.
- Kharas H., Pinto B., Ulatov S. (2001). An Analysis of Russia's 1998 Meltdown: Fundamentals and Market Signals. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1: 1-68. <https://doi.org/10.1353/eca.2001.0005>.
- Kiguel M., Levy-Yeyati E. (2009). Back to the Future: Argentina's Relapse into Currency Board Vulnerabilities. *CEMA Working Paper*, 404.
- Kolodko G.W. (2000). *From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation*. Oxford, Oxford University Press.
- Krugman P.R. (1995). Growing World Trade: Causes and Consequences. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1: 327-377. <https://doi.org/10.2307/2534577>.
- Lipsey R.G., Lancaster K. (1956). The General Theory of Second Best. *Review of Economic Studies*, 24(1): 11-32. <https://doi.org/10.2307/2296233>.
- Lucas R.E. (1988). On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 22(1): 3-42. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(88\)90168-7](https://doi.org/10.1016/0304-3932(88)90168-7).
- Menon J. (2009). Dealing with Multiple Currencies in Southeast Asia. *ADB Working Paper*, 170.
- Michalopoulos C., Tarr D. (1997). The Economics of Customs Unions in the Commonwealth of Independent States. *Post-Soviet Geography and Economics*, 38(3): 125-143. <https://doi.org/10.1080/10889388.1997.10641036>.
- Milner H.V. (1988). *Resisting Protectionism: Global Industries and the Politics of International Trade*. Princeton, Princeton University Press.
- Negara S. D. (2016). Indonesia's Ambitious but Challenging New Industrial Policy. *ISEAS Perspective*, 2016/48.
- Ners K. (1995). *Assistance to Transition*. Warsaw, Institute for East-West Studies.
- Nogues J.J. (2008). The Domestic Impact of Export Restrictions: The Case of Argentina. *IPC Position Paper, Agricultural and Rural Development Policy Series*. Rome, International Food & Agricultural Trade Policy Council.
- Ohlin B. (1933). *Interregional and International Trade*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Patunru A., Rahardja S. (2015). *Trade Protectionism in Indonesia: Bad Times and Bad Policy*. Sydney, Lowy Institute for International Policy.
- Rodrik D. (1989). Promises, Promises: Credible Policy Reform via Signalling. *Economic Journal*, 99(397): 756-772. <https://doi.org/10.2307/2233769>.
- Roland G. (2000). *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms*. Cambridge, MIT Press.
- Romer P.M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, 98(5): S71-S102. <https://doi.org/10.1086/261725>.
- Sachs J., Woo W.T. (1994). Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe, and the Former Soviet Union. *Economic Policy*, 9(18): 101-145. <https://doi.org/10.2307/1344459>.
- Samuelson P.A. (1948). International Trade and the Equalisation of Factor Prices. *Economic Journal*, 58(230): 163-184. <https://doi.org/10.2307/2225933>.
- Stiglitz J.E. (1999). Whither Reform? Ten Years of the Transition. *Annual World Bank Conference on Development Economics*: 27-56. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/541801468741342195>.
- Tarr D. (1994). The Terms-of-Trade Effects of Moving to World Prices on Countries of the Former Soviet Union. *Journal of Comparative Economics*, 18(1): 1-24. <https://doi.org/10.1006/jcec.1994.1001>.
- Tijaja J., Faisal M. (2014). Industrial Policy in Indonesia: A Global Value Chain Perspective. *Asian Development Bank Economics Working Paper*, 411.

Об авторе

Александр Георгиевич Корнилов

Магистрант, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия).

Область научных интересов: сравнительная политическая экономия торговой политики, либерализация и протекционизм в переходных и развивающихся экономиках, институциональные факторы торговых реформ, внешнеэкономическая политика государства, интеграция в многостороннюю торговую систему.

sundy.kornilov@gmail.com

About the Author

Alexander G. Kornilov

Master's Student, Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia).

Research interests: comparative political economy of trade policy, liberalization and protectionism in transition and developing economies, and institutional factors in trade reforms, government foreign economic policy, integration into the multilateral trading system.

sundy.kornilov@gmail.com

作者信息

Alexander G. Kornilov

全俄对外贸易学院硕士研究生（俄罗斯，莫斯科）

研究领域：贸易政策的比较政治经济学、转型经济体和发展中经济体中的自由化与保护主义、影响贸易改革的制度因素、国家对外经济政策、融入多边贸易体系。

sundy.kornilov@gmail.com